

ПУБЛИЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.С. ДЕРЖАВИНА ПО МАКЕДОНСКОМУ ВОПРОСУ В 1912–1915 ГГ.

Никита Гусев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
ученый секретарь Института славяноведения РАН
Россия, 119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
gusevns@gmail.com

В статье рассматривается деятельность Н. С. Державина во время Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны по защите болгарской точки зрения на македонский вопрос, заключающаяся в публичных выступлениях и печатных работах. На основании архивов России и Болгарии реконструируются его связи с болгарскими официальными лицами и учеными, взаимоотношения с российскими коллегами, поддерживавшими позицию Белграда, искренность его убеждений. Также осуществляется попытка выявить мотивы активности будущего советского академика.

Ключевые слова: Н. С. Державин, Балканские войны, Первая мировая война, македонский вопрос.

PUBLIC ACTIVITIES OF N.S. DERZHAVIN IN THE MACEDONIAN QUESTION IN 1912-1915

Nikita Gusev

PhD, senior researcher, scientific Secretary of The Institute of
Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Russia, 119334 Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
gusevns@gmail.com

The article deals with the Bulgaria during the Balkan wars of the 1912-1913 and The First world war for the public protection of the Macedonian point of view on the Macedonian question. In the autumn of 1912 the first Balkan war began. Bulgaria and Serbia agreed on the division of Macedonia, but because of the meddling of the great powers Belgrade did not get the desired land on the Adriatic coast. Serbia then demanded a revision of the Treaty, to which Bulgaria refused. In the Russian public opinion disputes about belonging of Macedonia were developed. They were attended by Bulgarian and Serbian scientists, as well as Russian scientists. One of them was N. S. Derzhavin. He gave public lectures on the Balkans, took part in meetings of public organizations, where he debates with supporters of Serbia. The defeat of Bulgaria and the transfer of Macedonia under the power of Serbia caused him grief, and he began with renewed vigor for public activity. In particular, he prepared a book on the Macedonian question. The money for it was allocated by the Bulgarian government, but not immediately. As a result, the book was published after the beginning of the First world war, when Russian public opinion negatively related to Bulgaria. Then to N. S. Derzhavin asked for help in the publication in Russian of a book about the Balkan wars, the former Bulgarian Prime Minister I. Geshov. The article is based on published documents, materials from the funds of the Central state archive of Bulgaria, the state archive of the Russian Federation, the archive of the Russian Academy of Sciences, as well as the works of N. S. Derzhavin, his speeches at meetings of public organizations and memoirs of contemporaries. The scientist's relations with the Bulgarian authorities and scientists, relations with Russian colleagues who supported the position of Belgrade were reconstructed. On the basis of the received material the conclusion about the impossibility of accurately determining the motives for the occupation of active positions. A sincere love for Bulgaria and faith with their beliefs looks preferable.

Keywords: N. S. Derzhavin, the Balkan wars, the First World War, the Macedonian question.

Николай Севастьянович Державин безусловно является человеком, сумевшим самостоятельно добиться в жизни многого. Родившись в 1877 г. в селе Преслав Таврической губернии (ныне – Запорожская область Украины), населенном преимущественно болгарскими-переселенцами, и являвшимся одним из центров культурной жизни болгар Российской империи, в семье сельского учителя, он достиг в Советском Союзе звания академика, должностей председателя Антифашистского комитета советских ученых и директора научного института, многочисленных наград и неформального признания главным славистом страны. Однако его фигура весьма противоречива. С одной стороны, нельзя отрицать того факта, что благодаря его усилиям в Ленинграде в 1930-е гг. возник (правда, ненадолго) Институт славяноведения, где возобновились славистические исследования; способствовал он и созданию современного Института славяноведения РАН, возглавить который он, видимо, надеялся, но тому помешал инсульт (Dostal', 2002, 284–285); будучи заместителем директора публичной библиотеки Ленинграда сумел добиться создания отделения «Славика» – подразделения, занимавшегося хранением и изучением западно- и южнославянских книг и рукописей; немало он содействовал сохранению и развитию русско-болгарских научных и общественных связей. С другой стороны, Н. С. Державин являлся ярким образцом «новых академиков» раннего советского времени. Он четко улавливал еще не выраженную линию партии и следовал ей: в 1922 г. вошел в руководство только что созданной «Группы левой профессуры» в Петроградском университете, на посту ректора Ленинградского университета провел массовое «очищение» преподавательского и студенческого состава от «неблагонадежного» элемента. Затем стал верным сторонником и активным пропагандистом идей марризма; следуя переменам в политике мог сначала публично ругать представителей российского славяноведения XIX в., а затем – возвеличивать (Robinson, 2004, 306). Это приносило свои дивиденды – в 1931 г. академиком он стал, не имея не только стажа члена-корреспондента, но и докторской степени*, за работы об истории русского народа и славянах в древности (вопросах, крайне далеких от научной специализации Державина) в 1944 и 1945 гг. он был удостоен ордена Ленина, а в 1948 г. – Сталинской премии.

Биография этого слависта в общих чертах известна и не раз освещалась на страницах научной литературы. В рамках данной статьи хотелось бы обратиться к одному эпизоду жизни Николая Севастьяновича, о котором если и упоминается, то вскользь, но он крайне показателен для всей последующей судьбы академика.

В 1912–1913 гг. Балканы подтверждали свою славу нестабильного и проблемного региона. Болгария, Сербия, Греция и Черногория в войне, вошедшей в историю как Первая балканская, разгромили Османскую империю. Начало этих событий вызвало в России бурную общественную реакцию**. Н. С. Державин, получивший в этом году должность приват-доцента Петербургского университета***, пристально следил за происходящим, и начало боевых действий для него было ожидаемым. Незадолго до официального начала вооруженных столкновений он написал болгарскому историку В. Златарскому: «Чувствую, что ваша война вызовет у нас взрыв братских славянских чувств, в котором найдет свой выход наш придавленный запас духа и потребность выразить наружу свое настроение» (Kostadinova, 1968, 95). В России стартовала кампания по популяризации Балкан. Читались публичные лекции о полуострове (не прошел мимо этого и герой настоящей статьи (Kostadinova, 1968, 95)), появлялись обзоры истории и культуры стран региона. Так, в «Вестнике Европы» вышла статья болгарского литературоведа К. Крыстева-Миролюбова о болгарской литературе (Krestev-Miroliubov, 1913). Изначально он ее отправил

* В 1944 г. он стал доктором honoris causa Софийского университета. Еще через два года его избрали академиком БАН, а одна из улиц Софии до сих пор носит его имя. После 9 сентября 1944 г. он не единожды выступал в Болгарии на различных общественных и научно-популярных мероприятиях, приобрел большую известность (Birjuzov, 1963, 281; Lalov, 1986, 105, 141, 167).

** Об этом см: Gusev, 2015; Kostrikova, 2017.

*** Это свидетельствует о том, что им была подготовлена, но еще не защищена диссертация, он получил возможность читать лекции, но тем не менее не вошел в штат учебного заведения, видимо из-за отсутствия вакантных ставок.

Державину. Тот попытался пристроить работу в журнал «Исторический вестник», но там ответили, что тематика не соответствует направлению издания. Тогда российский славист отнес текст в «Вестник Европы» (GARFb, 1), где он и вышел^{*}. Параллельно, интеллигенция стала организовывать группы для обсуждения происходящего, в них входили не только общественные деятели, но и ученые. В работе нескольких из них наряду с цветом преподавательского состава столичного университета принимал участие и Державин (GARFa, 29). В основном на подобных заседаниях осуждались уступки российской дипломатии перед Австро-Венгрией. Суть проблемы заключалась в том, что под давлением Вены великие державы приняли решение о создании Албании в границах, ставящих крест на одной из главных сербских целей – приобретении выхода к морю. Сербь, не получив от Петербурга твердой поддержки, были вынуждены уступить, а следом выдвинули к союзной Софии требование о компенсации, указав на земли Македонии. В Болгарии на это пойти не могли, и между двумя славянскими государствами начался конфликт, который в итоге летом 1913 г. вылился во Вторую балканскую войну. Однако весной того года еще существовали надежды на мирное разрешение проблемы. Согласно сербско-болгарскому договору, в случае споров арбитром становился российский император. Началась борьба за симпатии его подданных. София и Белград в ней активно использовали журналистов, общественных деятелей, не были обойдены вниманием и ученые^{**}. В Петербург приехали профессор Белградского университета Р. Кошутич и А. Белич, выпускник Московского университета, будущий академик и глава Сербской академии наук и искусств. Вдобавок активно выступал в поддержку позиций Белграда петербургский славист П. А. Лавров. Болгары в этом противоборстве проигрывали, лишь в конце весны 1913 г. в Петербург прибыл профессор Софийского университета И. Шишманов^{***}, и появилось воззвание Болгарской академии наук. Ссылаясь на «Энциклопедию славянской филологии», подготовленную российскими учеными, БАН указывала на преобладание болгарского элемента в Македонии. Помимо этого, в документе было выражено возмущение притеснениями населения спорной территории «со стороны сербских общественных деятелей и администрации». На это воззвание Белград отреагировал заявлением собственной Академии, дав понять Софии, что не дело научных учреждений критиковать правительства или выступать третейским судьей в спорах государств, и письмом ученого секретаря Академии Л. Стояновича, где утверждалось, что цель этих выступлений подчинение и унижение Сербии (Serbo-bolgarskii spor, 1915, Ap., 1–5)^{****}.

Действия академий в мае 1913 г. в Петербурге вызвали дискуссию, развернувшуюся в Обществе славянского научного единения. Там выступил против возвания БАН Белич, указав, что необходимо ориентироваться на современных исследователей, которые утверждают, что население Македонии нельзя считать болгарским, поскольку проблема более сложна и запутана. Издательски ему отвечал Шишманов, доказывая несостоятельность выводов сербского ученого. Однако проблема вызвала конфликт не только среди балканских ученых, но и среди российских. Державин с трибуны перечислял доказательства преобладания болгарского этноса в Македонии, а затем перешел к полемике с Беличем. Он указал на напрасность попыток «приездом в Россию повлиять на отношение русского общества к сербским домогательствам», т.к. еще была свежа память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он сам имел знакомых, поливших своей кровью спорную территорию, поэтому для него «представляется немислимым отдать эти дорогие могилы в руки народа, с ними не связанного» (Serbo-bolgarskii spor, 1915, 116–118).

* Параллельно К. Крыстев-Мирлюбов отправил эту работу М. Горькому, который посчитал публикацию крайне своевременной, но рукопись нашел небрежной, а саму статью – плохой. После значительной переработки текст был опубликован в журнале «Современник» (Gusev, 2016, 55–56).

** Подробнее см.: Gusev, 2014; Gusev, 2017a.

*** Подробнее о его деятельности на этом поприще см.: Gusev, 2017b.

**** Там же, с. 9. Современная сербская и болгарская историографии освещают эти события пристрастно, каждая идеализирует мотивы и поступки ученых своих стран, отрицая откровенно политический характер их действий. См. напр.: Vozhik, 2013, 389–390; Koneva, 1995, 34.

Возражал приват-доценту коллега по университету М. Г. Долобко, обвиняя Державина в намеренно односторонней подборке мнений исследователей по вопросу об этнической принадлежности населения Македонии, «нужной г[осподину] докладчику для его дальнейших целей». После этих слов председатель собрания остановил Долобко, поскольку «от заключений о намеренности удобнее было бы воздержаться» (Serbo-bolgarskii spor, 1915, 121–129). Кончилось все скандалом – на слова Белича о том, что Болгарская академия не понимает того, что понимает и первокурсник, Шишманов ушел, хлопнув дверью. Заседание приняло резолюцию 16 мая 1913 г., где сообщалось, что в виду сложности и запутанности проблемы единственным выходом из ситуации является арбитраж. «Будет ли этим арбитром Россия или гаагский трибунал – это должны исключительно решить спорящие стороны» (Serbo-bolgarskii spor, 1915, Ар., 11).

Вместе с Шишмановым, видимо, ушел и Державин, поскольку уже через день он обратился к В. Д. Плетневу, не стесняясь в начале письма признаться тому, что не знает его имени и отчества. Отметим, что выбор адресата неочевиден, поскольку председателем общества являлся П. И. Бахметьев, а резолюцию принимали под председательством М. П. Чубинского. Николай Севастьянович сообщил, что видел предварительные проекты резолюции общества, составленные академиком В. М. Бехтеревым, но затем в них были внесены изменения, возводящие хулу на болгарскую академию. Он же в связи с тем, что тесно связан «с этим весьма заслуженным пред славянской наукой и много наработавшим по имя культуры и свободы своего народа учреждением», и в силу того, что резолюция была принята после доклада Белича, «т.е. является как бы вытекающей из давления, оказанного на Общество сербской пропагандой», больше не может продолжать сотрудничество с Обществом славянского научного единения. Схожее письмо Державин отправил 19 мая в газету «Русская молва», где также указал, что резолюцию принял после 1 часа 30 минут пополуночи, когда он уже на заседании отсутствовал. Как он считал, его выступление поколебало «безусловность аргументации г[осподина] Белича», но не принесло результатов. «Итак камень, искусно брошенный здесь среди нас в болг[арский] народ сербами, г[осподами] Беличем и Генчичем, попал в цель: он поссорил два братских народа, болгар и русских, ибо никогда еще русское общественное мнение не говорило и не могло сказать болгарскому народу того, что оно только что публично сказало в резолюции “Общества Н[аучного] ед[инения]” по адресу БАН», – выражал сожаление Н. С. Державин. При этом он «утешал себя» тем, что вышеуказанное общество не может выражать мнения всего народа, что позволит болгарам «по отношению к нам сохранить по-прежнему свои симпатии, основанные на правильном взаимном понимании своими народами своих культурных и политических задач» (SPbF ARANb, 1–3).

Однако буквально через месяц стороны стали решать проблему оружием, не прибегая к помощи ни Петербурга, ни Гааги. Для Болгарии все кончилось разгромом как в военном, так и в репутационном плане: в России за ней прочно укоренилось клеймо предателя славянства и братоубийцы, редкие попытки здраво взглянуть на произошедшее тонули в ругани в адрес Болгарии и ее руководства (Kotov, 2015).

Для Державина безоговорочным виновником Второй балканской войны являлась противоположная сторона. 3 августа он сообщил В. Златарскому: «Я лично до того удручен всем случившимся, что не могу ни работать, ни думать, больше всего я возмущен этими мерзавцами-сербями». Указав, что в мае выступал против «Белича, Генчича, Лаврова и других в защиту Болгарии»*, будущий академик, видимо понимал, что равновесие

* Но будущему академику его противостояние на этом поле не казалось препятствием для других планов. В то время он закончил работу над двухтомным трудом о болгарских колониях в России, который вскоре защитил как магистерскую диссертацию. При этом первый том издавала Болгарская академия наук, на второй же требовалось найти средства. Их можно было получить от университета, и здесь Державин не стеснялся обращаться с просьбами к своим противникам. 7 ноября он сообщил Лаврову, что подал декану ходатайство о публикации второго тома, необходимо лишь одобрение факультетского совета. И в связи с этим просил оказать поддержку в данном вопросе, за что обещал быть «всегда глубоко признателен». Подпись также свидетельствовала о большом желании получить средства: «Искренне Вам преданный и сердечно Вас уважающий Ник. Державин» (SPbF ARANa, 1). В итоге книга была издана уже в Петрограде.

на Балканах еще не установлено, и шанс ревизии Бухарестского мира может вскоре под- вернуться: «Теперь я основательно изучил Македонский вопрос, подготовил специаль- ную брошюру, осенью думаю читать, где только будет возможность, доклады и лекции» (GARFb, 3).

И действительно, лекции он читал, в том числе и в Обществе славянского научного единения (TsDA, 2–3), в чьей деятельности обещал больше не участвовать. Его активная позиция была замечена в Болгарии. 30 апреля 1914 г. Славянское благотворительное об- щество в Болгарии отправило Державину письмо с благодарностью за публичное выра- жение симпатии к болгарскому народу, «особенно же за правду, которую вы всегда так доблестно высказывали в пользу ныне униженного и ограбленного, но не отчаивающегося нашего отечества». В послании Николая Севастьяновича причисляли к «светлым, трезвым и руководящим умам, которые продолжают высоко держать факел правды, долженству- ющий осветить всех и наметить пути для взаимного понимания, соглашения и единения славян в будущем». Это патетическое обращение подписали председатель и секретарь общества, лично знакомые с будущим академиком и бывшие в курсе его деятельности – бывший посланник в Петербурге С. Бобчев и И. Шишманов, о котором речь шла выше (SPbF ARANc, 1).

В то же время с упомянутой в письме Златарскому «специальной брошюрой» си- туация оказалась сложнее. Издатели, видимо, не надеялись в сложившихся условиях за- работать на произведении, идущем в разрез с общественными настроениями, к тому же касающемся потерявшей актуальность темы. Требовалось найти средства на публикацию. Логичным выходом являлось получение их от Болгарии. Но тут возникла заминка. Еще 16 октября 1913 г. болгарский посланник в Петербурге Р. Димитриев запросил на издание и гонорар Державину 3000 левов – немалую по тем временам сумму*. Однако по неясным причинам ответа не последовало, и 18 марта 1914 г. посланник повторил свой запрос, добавив, что сербская пропаганда усиливается, благодаря постоянной раздаче орденов и подарков, Болгарию же защищал только Державин, и делал это бесплатно. При таком подходе, резюмировал Димитриев, расширение поддержки страны не может произойти. 21 мая деньги в несколько меньшем объеме (2500 левов) были получены, но выход книги отложили до сентября в силу того, что публика уже ушла в отпуск, и в Петербурге летом книги не пускают в продажу (TsDA, 2–6). В конечном счете «специальная брошюра» все- таки появилась. Уже после начала Первой мировой войны Державин дописал заключе- ние**, а в дар Библиотеке Академии наук ее передал 18 сентября 1914***.

В книге Державин отдельную главу назвал «Сербская точка зрения и сербские ме- тоды трактовки вопроса», однако весь труд фактически являлся опровержением заявлен- ний сербских ученых и публицистов. Помимо этого, не единожды подчеркивалось значе- ние Македонии для Болгарии – она называлась национальной святыней, отсюда началась борьба за освобождение страны, ради ее присоединения десятилетиями велась тяжелая работа, накапливались силы, и «вполне нормальная болгарская жизнь вдруг выбивала- сь из колеи при малейшем эксцессе со стороны турецкого режима в несчастной Македо- нии» (Derzhavin, 1914, 8–9). После лета 1913 г., по словам автора, положение Болгарии было ужасным, ведь она пережила «трагедию крушения национальной мечты о конечном объединении всего народа, исстрадавшегося под вековым гнетом и принесшего так много жертв на алтарь славянской свободы» (Derzhavin, 1914, 131).

* Так, согласно закону 1912 г., на всю Болгарскую академию наук минимальная субсидия госу- дарства в год составляла 60 000 левов (Sazdov, 2008, 537). Однако в то же время на торже- ственный банкет, приуроченный к открытию памятника командующему войсками во время войны 1877–1878 гг. вел. кн. Николаю Николаевичу в январе 1914 г. было выделено 1500 левов (GARFс, 11, 15.)

** Это следует из текста последних трех абзацев книги, в которых говорится о «новой заре» в жизни славянства, и приведенных там же теплых слов о сербском народе: «мужественно вместе с русским народом он дает отпор общему врагу славян на поле брани» (Derzhavin, 1914, 131–132).

*** Согласно автографу на экземпляре, хранящемся в Библиотеке Академии наук (Kolpakova, 2018, 21).

История подарила болгарам шанс на исправление этого положения – началась Первая мировая война. Болгария не поспешила выступить на чьей-либо стороне и заняла выжидательную позицию, дабы понять, какой из военно-политических блоков сможет обеспечить ревизию Бухарестского мира, завершившего Балканские войны. Россия как союзник Сербии не могла этого сразу обещать, вдобавок общественное мнение негативно воспринимало официальную Софию и одновременно буквально требовало от болгарского народа выступить в защиту славянства (Gusev, 2019, 226–236). В этой ситуации книга Державина оказалась весьма кстати, но существенного влияния на умонастроения она не оказала (Ivanov et al., 2014). Тогда же бывший болгарский премьер-министр И. Гешов выпустил работу, посвященную судьбе Балканского союза – его истокам и причинам трагического развала в 1913 г. (Geshov, 1915b). Она была переведена на русский язык, и ее автор обратился к Державину с просьбой помочь с публикацией перевода и его распространением среди общественных деятелей и редакций газет. Перед этим следовало посоветоваться с П. Н. Милюковым о том, в каком количестве и в каком издательстве печатать книгу. Затем же, просил Гешов: «Телеграфируйте мне, пожалуйста, сколько рублей Вам отправить. Вы меня очень обяжете, если не откажетесь включить в сумму не только Ваши траты, но и вознаграждение за Ваш труд» (Geshov, 1994, 280). Книга вышла в том же году в типографии «Научное дело» (Geshov, 1915a), но какую роль в этом сыграл Державин, выяснить пока не удалось.

В Первой, а затем и Второй мировой войнах Болгария именно из-за Македонии и итогов Второй балканской войны выбирала сторону тех, кто обещал реванш. В каждом случае это была не Россия, что и привело к горькой ситуации сражений потомков освободителей с потомками освобожденных. Для Николая Севастьяновича же спор о Македонии остался принципиальным на всю жизнь. Автора критической рецензии на книгу о македонском вопросе А. М. Селищева он навсегда зачислил в сербофилы (Bernshtein, 2002, 125, 181)*, с Беличем и спустя десятилетия продолжал заочно спорить (Bernshtein, 2002, 39–40), а вручение тому звания почетного профессора Московского университета попытался превратить в фарс (Bernshtein, 2002, 106). Однако стоит признать, что для публичной защиты Болгарии после Балканских войн требовалась смелость. Даже П. Н. Милюков, всегда считавшийся болгарофилом, в 1913 г. старался дистанцироваться (NA-BAN, 50).

Нельзя не задуматься о причинах активной поддержки Державиным Болгарии и ее прав на Македонию. Вряд ли стоит признать справедливой точку зрения болгарского историка И. Г. Йолова, согласно которой «болгары наняли Державина, чтобы он изложил их позицию», поскольку 1999 более известные болгарофилы П. Н. Милюков и А. А. Башмаков самоустраились (Yolov, 1999, 68–69). Все-таки будущий академик начал придерживаться своей позиции задолго до получения средств на издание книги, а каких-либо иных доказательств (пусть даже косвенных) прямого «найма» Державина пока не найдено. Возможно, он исходил из холодного расчета, ожидая выгоды для себя. Эту версию мы не можем доподлинно опровергнуть или подтвердить, но вся последующая биография слависта** наводит на мысли о допустимости и такого объяснения. Наверное, было у него и чувство морального долга перед страной, публиковавшей его труды, и в которой у него было много друзей. Однако не стоит упускать из виду и вероятность того, что Николай Севастьянович действовал так, исходя из личных симпатий к Болгарии и ее народу. Он вырос в болгарском селе, как и любой исследователь мог незаметно для себя «влюбиться» в объект исследования. В пользу такой догадки говорит дневниковая запись лингвиста С. Б. Бернштейна о дне смерти академика Державина: «Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку» (Bernshtein, 2002, 175).

* Хотя в рецензии А. М. Селищев и признает, что до 1870-х гг. македонские славяне «были известны как славяне болгарские – болгары» (Selishhev, 1915, 3), он, видимо, стал нелюб Державину именно за тщательный научный разбор книги, продемонстрировавший не только допущенные ошибки, но и некомпетентность будущего советского академика в вопросах лингвистики и диалектологии.

** См., напр., про его письма И. В. Сталину и верноподданническую автобиографию, написанную в третьем лице: Akse nova, 1990.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Aksenova, E. P. 1990. «Izgnannoe iz sten Akademii»: N. S. Derzhavin i akademicheskoe slaviano-vedenie v 30-e gody [“Banished from the walls of the Academy”: N. S. Derzhavin and academic Slavistic in 30 years]. *Sovetskoe slaviano-vedenie*, no. 5. (In Russian)
- Аксенова, Е. П. 1990. «Изгнанное из стен Академии»: Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы. *Советское славяноведение*, № 5.
- Bernshtein, S. B. 2002. Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovyie zapisi. [Zigzags of memory: Memories. Diary entry]. Moskva: Institute of Slavic Studies RAS. 373 s. (In Russian)
- Бернштейн, С. Б. 2002. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. Москва: Институт славяноведения РАН. 373 с.
- Birjuzov, S. S. 1963. Sovetskij soldat na Balkanah [Soviet soldiers in the Balkans]. Moskva: The Ministry of defense of the USSR. 335 s. (In Russian)
- Бирюзов, С. С. 1963. Советский солдат на Балканах. Москва: Министерство обороны СССР. 335 с.
- Bozhih, S. 2013. Makedonija kao sporno питање између Srpske Краљевске Академије и Bugarske Академије Nauka 1913. godine [Macedonia, as a controversial issue between the Serbian Royal Academy and the Bulgarian Academy of Sciences, 1913. years]. *Balkanski ratovi 1912/1913: Nova viђења i тумачења [Balkan wars 1912/1913: New observations and interpretations]*. Belgrade: The Institute of History. 467 s. (In Serbian)
- Божић, С. 2013. Македонија као спорно питање између Српске Краљевске Академије и Бугарске Академије Наука 1913. године // Балкански ратови 1912/1913: Нова виђења и тумачења. Београд: Историјски институт. 467 с.
- Derzhavin, N. S. 1914. Bolgaro-serbskie vzaimootnosheniia i makedonskii vopros. [Bulgarian-Serbian relations and the Macedonian question]. Saint-Petersburg. 132 s. (In Russian)
- Державин, Н. С. 1914. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Санкт-Петербург. 132 с.
- Dostal', M. Iu. 2002. Sektor slaviano-vedeniia Instituta istorii AN SSSR [Slavic studies sector of the USSR Academy Of Sciences Institute of history]. *Slavianskii al'manakh*. (In Russian)
- Досталь, М. Ю. 2002. Сектор славяноведения Института истории АН СССР. Славянский альманах.
- GARFa. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federacii (State archive of Russian Federation), f. 102, op. 121, 4-e deloproizvodstvo. 1912 g., ed. hr. 278.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 102, оп. 121, 4-е делопроизводство. 1912 г., ед. хр. 278.
- GARFb. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federacii (State archive of Russian Federation), f. R8091, op. 110. KMF-5. Bolgaria, postuplenie 3A-110. 1878–1948, ed. hr. 10.
- ГАРФ, ф. Р8091, оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-110. 1878–1948, ед. хр. 10.
- GARFc. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federacii (State archive of Russian Federation), f. R8091, op. 110. KMF-5. Bolgaria, postuplenie 3A-36. 1878–1948, ed. hr. 92.
- ГАРФ, ф. Р. 8091, оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. 1878–1948, ед. хр. 92.
- Geshov, I. E. 1915a. Balkanskii soiuз. Vospominaniia i dokumenty [Balkan Union. Memories and documents]. Petrograd: Nauchnoe delo. 110 s. (In Russian)
- Гешов, И. Е. 1915а. Балканский союз. Воспоминания и документы. Петроград: Научное дело. 110 с.
- Geshov, I. E. 1915b. Balkanskiyat sayuz. Spomeni i dokumenti. [Balkan Union. Memories and documents]. Sofia: Gutenberg. 102 s. (In Bulgarian)
- Гешов, И. Е. 1915б. Балканският съюз. Спомени и документи. София: Гутенберг. 102 с.
- Geshov, I. E. 1994. Lichna korrespondentsia [Personal correspondence] / Sast. R. Popov, V. Tankova. Sofia: Marin Drinov. 317 s. (In Bulgarian)
- Гешов, И. Е. 1994. Лична корреспонденция / Съст. Р. Попов, В. Танкова. София: Марин Дринов. 317 с.
- Gusev, N. 2014. Russkii «front» bor'by za Makedoniu [Russian “front” of struggle for Macedonia]. *Rodina*, no. 6. (In Russian)
- Гусев, Н. 2014. Русский «фронт» борьбы за Македонию. *Родина*, № 6.
- Gusev, N. S. 2017a. Bolgariia i Serbiia v 1912–1913 gg.: sopernichestvo za status “liubimtsa” Rossii na Balkanakh [Bulgaria and Serbia in 1912–1913: rivalry for the status of Russia’s “favorite” in the Balkans]. *Ynuzhdennoe sosedsstvo — dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional'nykh otnosheniakh v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope XVIII–XXI vv*: Moskva–Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija. 384 s. (In Russian)
- Гусев, Н. С. 2017а. Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах. Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. Москва–Санкт-Петербург: Нестор-История. 384 с.
- Gusev, N. S. 2016. Bolgariia i Serbiia v rusском obshchestvennom mnenii v period Balkanskikh vojn 1912-1913 gg. [Bulgaria and Serbia in Russian public opinion during the Balkan wars of 1912-1913]: Candidate’s thesis. Moskva. 420 s. (In Russian)

Гусев, Н. С. 2016. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Москва. 420 с.

Gusev, N. S. 2015. Pervaia Balkanskaia voina i russkoe obshchestvo [The first Balkan war and Russian society]. *Slavianovedenie*, no. 5. (In Russian)

Гусев, Н. С. 2015. Первая Балканская война и русское общество. *Славяноведение*, № 5.

Gusev, N. S. 2017b. Professor Ivan Shishmanov na zashchite bolgarskikh interesov v Peterburge v 1912–1913 gg. [Professor Ivan Shishmanov on the protection of Bulgarian interests in St. Petersburg in 1912–1913.]. *Drinovski sbornik / Drinovs'kii zbirnik*, Vol. X. (In Russian)

Гусев, Н. С. 2017b. Профессор Иван Шишманов на защите болгарских интересов в Петербурге в 1912–1913 гг. *Дриновски сборник / Дриновський збірник*. Т. X.

Gusev, N. S. 2019. Rossiia i Bolgariia v 1913–1918 gg. [Russia and Bulgaria in 1913–1918]. *Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [Russia in the system of international relations before and during the First World war]*. Moskva, vol. 1. (In print). (In Russian)

Гусев, Н. С. 2019. Россия и Болгария в 1913–1918 гг. // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Москва, т. 1. (в печати).

Ivanov, A. A., Repnikov, A. V. 2014. «Bolgarskaia izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgarii v Pervuiu mirovuiu voynu na storone Tsentral'nykh derzhav [“Bulgarian’s treason”: Russian Right Politics About Bulgaria’s Entry into the First World War on the Side of the Central States]. *Noveishaia istoriia Rossii / Modern history of Russia*, no. 3. (In Russian)

Иванов, А. А., Репников, А. В. 2014. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. *Новейшая история России / Modern history of Russia*, № 3.

Kolpakova, N. V. 2018. Nikolai Sevast'ianovich Derzhavin (1877–1953): k 140-letiyu so dnia rozhdeniya: katalog vystavki [Nikolay Sevastyanovich Derzhavin (1877–1953): to the 140th anniversary of his birth: exhibition catalogue] / Ed. N. V. Kolpakova. Saint-Petersburg, BAS. 63 s. (In Russian)

Колпакова, Н. В. 2018. Николай Севастьянович Державин (1877–1953): к 140-летию со дня рождения: каталог выставки / отв. ред. Н. В. Колпакова. Санкт-Петербург, БАН. 63 с.

Koneva, R. 1995. Golyamata sreshta na balgarskia narod. Kulturata i predizvikatelstvata na voynite [Great meeting of the Bulgarian people. Culture and the problem of war 1912–1918 g.]. Sofia: Marin Drinov. 227 s. (In Bulgarian)

Конева, Р. 1995. Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София: Марин Дринов. 227 с.

Kostadinova, L. 1968. Balgaro ruski nauchni vrazki XIX–XX vek. Dokumenti [Bulgarians of Russian scientific relations of 19–20th century. Documentation]. Sast. L. Kostadinova. Sofia: BAS. 407 s. (In Bulgarian)

Костадинова Л. 1968. Българо руски научни връзки XIX–XX век. Документи / Съст. Л. Костадинова. София: БАН. 407 с.

Kostrikova, E. G. 2017. Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskij vopros: Ideinaya bor'ba v rossijskom obshchestve v nachale XX veka [Geopolitical interests of Russia and the Slavic question: Ideological struggle in Russian society in the early twentieth century]. Moskva: Kuchkovo pole. 384 s. (In Russian)

Кострикова, Е. Г. 2017. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. Москва: Кучково поле. 384 с.

Kotov, B. S. 2015. Mezhsioiuznicheskaia voina leta 1913 goda v vospriyatii russkogo obshchestva (po materialam pressy) [Inter-Union war in the summer of 1913 in the perception of Russian society (based on the press)]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3. (In Russian)

Котов, Б. С. 2015. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы). *Новая и новейшая история*, № 3.

Krestev-Miroliubov, K. 1913. Sovremennaia bolgarskaia literatura [Modern Bulgarian literature]. *Vestnik Evropy*, no. 6. (In Russian)

Крестев-Миролюбов, К. 1913. Современная болгарская литература. *Вестник Европы*, № 6.

Lalov, I. 1986. Zdravev, Bulgaria. Spomeni na savetski marshali, generali i ofitseri za osvobozhdenie na Bulgaria i boynata druzhba prez Otechestvenata voyna 1944–1945 g. [Hi, Bulgaria. Memories Soviet marshals, generals and officers for the liberation of Bulgaria, and military friendship in the Patriotic war of 1944–1945.] / Sast I. Lalov. Sofia: Narodna mladezh. 327 s.

Лалов, И. 1986. Здравей, България. Спомени на съветски маршали, генерали и офицери за освобождение на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. / Съст И. Лалов. София: Народна младеж. 327 с.

NA-BAN. Nauchen arhiv na Balgarskata akademia na naukite, f. 11K, op. 3, a.e. 968.

Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА-БАН), ф. 11К, оп. 3, а.е. 968.

Robinson, M. A. 2004. Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavianovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov) [The fate of the academic elite: the domestic Slavic studies (1917 – early 1930).]. Moskva: Indrik. 432 s. (In Russian)

- Робинсон, М. А. 2004. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). Москва: Индрик. 432 с.
- Sazdov, D. 2008. Sotsialna politika v zakonodatelstvoto na demokraticna Bulgaria (1880-1912) [Social policy in the legislation of democratic Bulgaria (1880-1912)]. Sofia: Stopanstvo. 599 s. (In Bulgarian)
- Саздов, Д. 2008. Социална политика в законодателството на демократична България (1880–1912). София: Стопанство. 599 с.
- SPbF ARANa. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN [St. Petersburg branch of RAS Archive], f. 284, op. 3, ed. khr. 67.
- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПбФ АРАН), ф. 284, оп.3, ед. хр. 67.
- SPbF ARANb. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN [St. Petersburg branch of RAS Archive], f. 827, op. 3, ed. khr. 150.
- СПбФ АРАН, ф. 827, оп. 3, ед. хр. 150.
- SPbF ARANc. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN [St. Petersburg branch of RAS Archive], f. 827, op. 3, ed. khr. 259.
- СПбФ АРАН, ф. 827, оп. 3, ед. хр. 259.
- Serbo-bolgarskii spor, 1915. Serbo-bolgarskii spor za obladanie Makedoniei. Otsenka sobytii, predshestvovavshikh serbo-bolgarskoi voine 1913 goda, v izlozhenii zainteresovannykh storon i chlenov obshchestva [Serbo-Bulgarian dispute for the possession of Macedonia. Assessment of the events preceding the Serbo-Bulgarian war of 1913 in the presentation of stakeholders and members of society]. Petrograd: P. A. Fedotov. 161 s. (In Russian)
- Сербо-болгарский спор, 1915. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Петроград: П. А. Федотов. 161 с.
- Selishhev, A. M. 1915. Derzhavin N.S. Bolgaro-serbskie vzaimootnosheniia i makedonskii vopros. Petrograd, 1914. [Derzhavin N. S. Bulgarian-Serbian relations and the Macedonian question. Petrograd, 1914]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, no. 6/7. (In Russian)
- Селищев, А. М. 1915. Рец.: Н. С. Державин. Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Петроград, 1914. *Ученые записки Казанского университета*, № 6/7.
- TsDA. Tsentralen darzhaven arhiv na Republika Bulgaria [Central state archive of the Republic of Bulgaria], f. 176K, op. 3, a.e. 106.
- ЦДА. Централен държавен архив на Република България, ф. 176К, оп. 3, а.е. 106.
- Yolov, I.G. 1999. Ruski avtori za Bulgaria i Sarbia v makedonski konflikt 1885-1917 g. [Russian writers for Bulgaria and Serbia in the Macedonian conflict. 1885-1917 G.]. Sofia: Balgarska duhovnost. 138 s. (In Bulgarian)
- Йолов, И. Г. 1999. Руски автори за България и Сърбия в македонския конфликт 1885–1917 г. София: Българска духовност. 138 с.

Дата поступления статьи в редакцию – 10.02.2019 г.